

М. Н. Петров

НАЧАЛО СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
НОВГОРОДСКОЙ ДЕРЕВНИ.
1930 ГОД

За первое советское десятилетие послеоктябрьский режим установил полный контроль почти во всех сферах экономической и социальной жизнедеятельности общества. Вне прямого контроля оставалась одна область — единоличное сельскохозяйственное производство. Настал и его черед. События конца 1929—первой половины 1930 г. по стремительности, жестокости и бесчеловечности занимают особое место в истории коренной ломки традиционного сельского уклада.

Происходившее в эти месяцы в Новгородском и Боровичском округах Ленинградской области явилось отражением процессов, захвативших всю страну. Начальный этап сплошной коллективизации новгородской деревни привлекал внимание исследователей.¹ При существовавших условиях общественной жизни в основе этих работ не могли лежать материалы, направленные на однозначное подтверждение программных партийных выводов и положений официальной истории КПСС, восходящих к краткому курсу истории ВКП(б), о том, что перевод деревни к обобществленному хозяйству означал «великую революцию», глубокий поворот «в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства», что определило их ограниченность и неоправданную идеологизацию.

Источниковой базой данной статьи послужили в основном ранее не публиковавшиеся документы из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПДСПб.), Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО), Государственного архива Новгородской области (ГАО). Директивы Ленинградского обкома ВКП(б) и облисполкома, постановления и решения их бюро, секретариата и президиума по исследуемому вопросу позволили установить связь между решениями ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР и действиями местных партийных и советских учреждений. В фондах Новгородского и Боровичского окружных комитетов ВКП(б) и исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов изучены распоряжения райкомам партии и райисполкомам о подготовке и проведении массовой коллективизации и ликвидации крестьянских хозяйств, отнесенных к категориям кулацких, отчеты и статистические данные, докладные

¹ Гандкин Я. А. Подготовка к массовой коллективизации в Новгородском округе (1928 — 1929 годы) // Учен. зап. НГПИ. Новгород, 1958. Т. 4. С. 127—167; На земле Новгородской: Очерки по истории Новгородской области. Л., 1970. С. 164—176; Селезнев В. А., Гутаров А. Н. Начало массового колхозного движения на Северо-Западе РСФСР. 1930—1932 гг. Ленинградская область: Краткий исторический очерк. Л., 1972; Селезнев В. А., Смышляев В. А. Первые шаги социалистических преобразований в сельском хозяйстве Северо-Запада РСФСР (1917—1929 гг.). Л., 1983; Очерки истории Новгородской организации КПСС. Л., 1983. С. 178—185 и др.

записки и пр., направленные в областной центр. Материалы майских 1930 г. окружных партийных конференций дают возможность уяснить, каким образом послушно изменялась политика местных властей в зависимости от «генеральной линии» ЦК. Исследованы фонды 19 райкомов ВКП(б) и соответствующего количества райисполкомов Новгородского округа и 13 — Боровичского: материалы пленумов, районных партийных конференций, общерайонных партийных собраний и активов, постановления, информационные сводки о проведении и темпах коллективизации, протоколы крестьянских собраний по организации колхозов, данные о распределении конфискованного имущества выселенных крестьян и т. д. В фонде статистического отдела Новгородского окрисполкома изучены регистрационные карточки на сельскохозяйственные артели, позволившие сделать выводы об их экономическом положении. В фонде окружного бюро колхозов содержатся сведения о кредитовании коллективных хозяйств и кадрах специалистов, многочисленные письма на имя И. В. Сталина и М. И. Калинина в редакции центральных газет с жалобами на практику проведения коллективизации и такие документы, пересланные из Москвы на рассмотрение местных властей. Определенные фактические сведения почерпнуты в областной газете «Ленинградская правда» и окружных газетах «Звезда» и «Красная искра».

Как известно, сигнал к форсированной коллективизации деревни был дан И. В. Сталиным в статье «Год великого перелома», опубликованной в праздничном номере газеты «Правда» 7 ноября 1929 г. Через три дня начал работу пленум ЦК ВКП(б), определивший программу переустройства деревни, позже конкретизированную в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и заключающуюся в волюнтаристской задаче «коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств».

В действительности же подготовка к массовой коллективизации началась ранее сталинской статьи и опубликованных в то время партийных решений. Подготовка массовых акций до обнародования соответствующих официальных документов являлась в те годы обычной практикой. Еще в сентябре 1929 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) пришлось к заключению, что «новгородская организация чрезвычайно медленно перестраивается для проведения энергичного социалистического наступления» и заменило руководство в ряде районов.² Перестановка явилась способом закрепления руководящих кадров, способных безоговорочно проводить новую линию ЦК ВКП(б).

Так же заранее были доведены директивы по охвату коллективизацией крестьянских хозяйств. На заседании правления Новгородского окружного бюро колхозов 17 октября 1929 г. его председатель С. П. Уфимцев огласил «контрольные цифры строительства колхозов по районам на 1930 г.». Правление определило рубежи: до 1 октября 1930 г. следовало организовать до 439 коллективных хозяйств из 6546 крестьянских дворов с общей земельной площадью 90 191 га, причем 10% составляли бы коммуны, 50 — колхозы и 40% — ТОЗы. Ставилась задача в тот же срок организовать 26 укрупненных колхозов с 1472

² ГАНПИНО, ф. 99, оп. 1, д. 99, л. 132.

дворами на 19 628 га земли. 11 ноября контрольные цифры по крупным хозяйствам были утверждены.³

С декабря 1929 г. директивы по коллективизации приняли безоговорочный характер. Пленум Новгородского окружкома ВКП(б) категорически потребовал: «Темпы коллективизации на 1929—1930 гг. определить не ниже, чем в 20% всех крестьянских хозяйств округа» с объединением к 1 октября того же года не менее 24,5 тыс. крестьянских дворов.⁴ Еще «энергичнее» были планы бюро Боровичского окружкома ВКП(б), одобдившего объявление Боровичского района районом сплошной коллективизации с объединением 68% крестьянских хозяйств при полном обобществлении средств производства и рабочего скота. В обком ВКП(б) был направлен обширный перечень мероприятий по проведению в округе сплошной коллективизации.⁵ Авантюристические планы получили поддержку местных функционеров, хотя и были высказаны здравые мысли об отсутствии детальных планов колхозного переустройства деревни.

Курс партийных комитетов поддержали и развили послушные им органы местного управления. Новгородский окрисполком подтвердил установку на коллективизацию в 1930 г. не менее 20% крестьянских хозяйств и определил два района сплошной коллективизации — Погосский (60%) и Крестецкий (45%). Окрисполком потребовал создать 28 укрупненных колхозов с охватом жителей целых деревень, расширить посевные площади наполовину с повышением урожайности на 15%.⁶ Принятые партийным и исполнительным комитетами решения поражают безапелляционностью, а за показными «точными» цифрами скрывалась полнейшая неподготовленность местных властей к планировавшейся акции.

Ни экономически, ни организационно, ни морально новгородская деревня не была подготовлена к переводу индивидуальных крестьянских хозяйств «на рельсы крупного общественного производства». Числившиеся к лету 1929 г. в Новгородском округе 92 коллективных хозяйства поддерживались исключительно государственными дотациями и не могли служить образцами для крестьян-единоличников. Две трети из них были мелкими, объединяли менее десятка крестьянских дворов. Колхозы отличались низкой урожайностью и продуктивностью скота, слабой производственной дисциплиной, в них полностью отсутствовали подготовленные руководители и специалисты.⁷

В отличие от таких коллективных хозяйств добрый пример в единении хозяйственных усилий крестьян показывала кооперация. За годы нэпа, опираясь на солидную дореволюционную экономическую базу, опыт финансовой и организаторской работы, кооперативные объединения получили на новгородских землях значительное развитие. Например, на 1 октября 1929 г. только потребительская кооперация в Нов-

³ ГАНО, ф. 607, оп. 1, д. 184, л. 9, 11.

⁴ Резолюции X пленума Новгородского окружного комитета ВКП(б): 27—28 декабря 1929. Новгород, 1930. С. 9—10.

⁵ ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 416, л. 1—31; д. 483, л. 80—81.

⁶ ГАНО, ф. 1244, оп. 1, д. 545, л. 11—15.

⁷ Резолюции и постановления II окружного съезда колхозов Новгородского округа: 15—17 июня 1929 года. Новгород, 1929. С. 3—4; ГАНПИНО, ф. 128, оп. 1, д. 762, л. 109—111.

городском округе имела 101 сельское общество с 79 697 пайщиками или объединяла 22.7% населения;⁸ членами потребительской кооперации в Старорусском районе являлись 50.1% населения, в девяти льноводческих кооперативах состояли 4505 членов, в одиннадцати молочных — 998 человек (для сравнения: десять колхозов в районе объединяли 90 крестьянских хозяйств, или 0.75% их общего числа).⁹ Дальнейшее развитие кооперативных форм ведения хозяйства при определенной поддержке со стороны государства имело бы завидные перспективы.

Однако подобное положение не отвечало политическим устремлениям режима, и в середине декабря 1929 г. в районы была направлена директива о переводе машинных, мелиоративных, животноводческих и иных производственных кооперативных объединений на уставы колхозов,¹⁰ а 27 января 1930 г. президиум Леноблисполкома принял решение «О ходе реорганизации сельскохозяйственной кооперации»,¹¹ означавшее ее огосударствление, крах кооперации как объединения крестьян на добровольной основе и конец кооперативного движения как творческой работы крестьянских масс области.

В январе 1930 г., до и после опубликования отмеченного постановления ЦК ВКП(б), в новгородских районах состоялись пленумы и бюро партийных комитетов, принявшие курс на форсированное проведение коллективизации. Уже 3—4 января пленум Крестецкого района ВКП(б) обсудил вопрос «о социалистическом наступлении в деревне и борьбе с кулачеством». 3 января бюро Поддорского райкома ВКП(б) объявило «поход за коллективизацию» в срок до 1 марта того же года. Состоявшийся на следующий день пленум Старорусского района партии потребовал «решительных и быстрых темпов коллективизации» с охватом в весеннюю кампанию не менее 12% крестьянских хозяйств района. Пленум Солецкого райкома ВКП(б) 9 января поставил главной задачей коллективизировать за весну 26.9% крестьянских хозяйств; взятые обязательства были подтверждены на собрании актива Солецкой районной парторганизации.¹² Ни экономические, ни организационные возможности не учитывались, хотя на осуществление коллективизации в потребляющей нечерноземной зоне, куда относилась Ленинградская область, постановлением ЦК было «отпущено» время до конца пятилетки, т. е. до конца 1933 г.

Согласно директиве Новгородского окрисполкома, планы коллективизации к 10 января 1930 г. были доведены до каждого сельсовета, определены опорные пункты будущих колхозов и началось создание в них инициативных групп из числа советского, батрацко-бедняцкого и середнякакого актива.¹³ В начале января собрание жителей деревень Госты и Веретье Бронницкого района приняло решение организовать колхоз «Ленинский путь» с обобществлением земли, орудий труда, рабочего скота, надворных построек и фуража, установило вступительный и пае-

⁸ ГАНПИНО, ф. 99, оп. 1, д. 99, л. 128—129.

⁹ Там же, ф. 120, оп. 1, д. 42, л. 15, 23.

¹⁰ ГАНО, ф. 1523, оп. 1, д. 477, л. 292.

¹¹ Там же, ф. 134, оп. 1, д. 43, л. 264.

¹² ГАНПИНО, ф. 105, оп. 1, д. 11, л. 1; ф. 120, оп. 1, д. 42, л. 13; ф. 173, оп. 1, д. 102, л. 4; д. 106, л. 3; ф. 225, оп. 1, д. 22а, л. 1.

¹³ ГАНО, ф. 1523, оп. 1, д. 477, л. 291—292.

вой взносы. В колхоз вступили 16 крестьянских хозяйств и на основе «Учредительного договора на организацию колхоза» в середине января артель была зарегистрирована райземотделом.¹⁴ В том же районе были зарегистрированы колхозы «Имени юбилея т. Сталина» в деревне Красные Станки, в который вошли 18 дворов, «Красная Дубровка» в деревне Хотолы из 15 дворов, «Холынская новь» из 10 дворов и др.¹⁵

Проявлялась и крестьянская осмотрительность. На собраниях крестьяне деревень Марково, Иванково и Пестрецово Боровичского района приняли решение воздержаться от организации сельхозартели, «дабы иметь время ознакомиться более тщательно с устройствами и правилами» коллективных хозяйств и «подождать, посмотреть, как люди будут жить». Собрание жителей села Боровенка Окуловского района приняло короткое решение: «Одобрить политику партии и власти», но от создания у себя артели до поры до времени воздержаться.¹⁶ Однако такие «мирные» собрания становились все более редкими.

Из центра и Ленинграда давил тяжелый пресс директив с требованиями увеличить темпы коллективизации. В феврале 1930 г. президиум Леноблсполкома потребовал расширить число районов сплошной коллективизации. В свою очередь такие же требования выдвигали окружные и районные власти. Газета «Звезда» призвала завершить весеннюю кампанию ударными темпами.¹⁷ Начавшаяся невиданная гонка за проценты охвата крестьянских хозяйств не могла не привести к самым тяжелым последствиям.

Выполняя директивы, президиум Новгородского окрисполкома 27 февраля 1930 г. к районам сплошной коллективизации кроме Подгощского и Крестецкого отнес дополнительно Волоотовский, Солецкий, Медведский, Полновский и Чудовский, обязав коллективизировать за весну не менее 55% крестьянских хозяйств в каждом районе.¹⁸ Поддерживая «инициативу» сверху, на следующий день председатели сельсоветов Волоотовского района выступили с обращением до 1 апреля организовать в каждом сельсовете «мощный колхоз» и полностью завершить коллективизацию района в текущем году. Был составлен план организации в Волоотовском сельсовете колхоза им. Сталина, в который вошли бы 510 дворов из 569;¹⁹ план был одобрен, но не реализован.

Партийные комитеты определяли общую линию на форсированную коллективизацию. Бюро Боровичского райкома ВКП(б) приняло решение не позже 15 марта 1930 г. «в основном коллективизировать район». Пленум Солецкого райкома ВКП(б) за два дня до решения окрисполкома поспешил отнести район к районам сплошной коллективизации и обязал коммунистов и комсомольцев первыми вступить в колхозы.²⁰ На первый план выдвинулись требования значительно перевыполнить контрольные показатели, объединить в колхозах как можно большее число индивидуальных крестьянских хозяйств.

¹⁴ Там же, ф. 137, оп. 1, д. 347, л. 1—11.

¹⁵ Там же, л. 15—20, 28—31; д. 348, л. 2, 39.

¹⁶ ГАНПИНО, ф. 29, оп. 1, д. 171, л. 1, 2, 4; ф. 188, оп. 1, д. 84, л. 23.

¹⁷ Звезда. 1930. 9 янв., 14 февр.; ГАНО, ф. 134, оп. 1, д. 43, л. 335—337.

¹⁸ ГАНО, ф. 1244, оп. 1, д. 813, л. 69.

¹⁹ Звезда. 1930. 28 февр.; ГАНО, ф. 607, оп. 1, д. 184, л. 36.

²⁰ ГАНПИНО, ф. 29, оп. 1, д. 143, л. 18, 36—39; ф. 173, оп. 1, д. 102, л. 10—13.

Секретарь Бронницкого райкома ВКП(б) Храбров, посылая уполномоченного в деревню, напутствовал: «Без колхоза обратно не являйся». Выполняя задание, районные посланцы избрали один метод воздействия на крестьян: угрозы и принуждение. На собрании жителей деревни Лунышино Подгощского района уполномоченный Дроздов заявил: «Я вам рассказывать не буду, кто желает — записывайтесь в колхоз, а кто не желает — тому завтра билет: туз бубновый». Один из работников Медведского райисполкома вызывал середняков, рисовал две дороги и пояснял: «Одна дорога в колхоз, другая — в Соловки, куда хотите, туда и идите». Что собой представлял Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ, в стране уже были достаточно наслышаны. За отказ вступить в колхоз уполномоченный Маловишерского райземотдела Тимофеев распорядился лишить хлебного пайка семьи бедняков М. Захарова, И. Крылова и др. В деревне Любницы Черновского района при организации колхоза «Завет Ильича» инспектор райисполкома Титов, председатель сельсовета Кириллов и председатель колхоза Яковлев силами милиции арестовали десять крестьян.²¹ За отказ от вступления в колхозы сельсоветы переселяли крестьян на худшие земли, массовый характер приобрела практика искусственного ограничения индивидуального землепользования. Через милицию взыскивались паевые взносы с крестьян, вздумавших выйти из колхоза. Широко применялась конфискация имущества.

Зачастую это имущество не передавалось в неделимые фонды колхозов, а попадало в руки людей, стоявших ближе других к власти.²² Широкий общественный резонанс получили события в Польском районе, признанные даже по тем временам вопиющими. Райисполком обратился в районный народный суд с ходатайством о выселении из поселка Пола лиц, лишенных избирательных прав как «бывших крупных торговцев». 5 февраля 1930 г. послушный суд, не имея никаких законных оснований, принял решение о выселении в течение суток за пределы Ленинградской области около 80 человек с полной конфискацией их имущества. В числе значившихся в судебном решении были 69-летний А. Ф. Богачев с шестью членами семьи, 75-летний С. Б. Борисов с семьей домохозянами, 62-летний М. Горышин с восьмью иждивенцами и подобные «крупные торговцы». Но вместо передачи имущества колхозам председатель райисполкома Ф. Лашков, секретарь райисполкома Шербаков, секретарь райкома ВКП(б) С. Васьков, ответственные работники Бульба и Пробкин сразу же после выселения «лишенцев» захватили их дома со всем имуществом и вселились в них, а члены партии Порываев и Заборщиков перевезли доставшуюся долю к себе.

Преступления скрыть не удалось, и Новгородский окружной комитет ВКП(б) вынужден был принять постановление «о грубейшем искажении политики партии» руководством Польского района и 18 февраля провести районный партактив. Проштрафившиеся руководители были освобождены от занимаемых должностей, но под суд не пошли. Их персональные дела передали в окружную контрольную комиссию

²¹ Звезда. 1930. 22 февр., 10, 25 марта; ГАНПИНО, ф. 99, оп. 1, д. 99, л. 126; ф. 144, оп. 1, д. 529, л. 2; ф. 170, оп. 1, д. 88, л. 2; ф. 202, оп. 1, д. 114, л. 20; ГАНУ, ф. 607, оп. 1, д. 104, л. 122, 138, 244; ф. 1244, оп. 1, д. 813, л. 28, 45, 87, 120, 127—128, 132—137, 141—142, 153.

²² ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 529, л. 2; ф. 180, оп. 1, д. 41, л. 3.

ВКП(б). Комиссия учла, что все эти коммунисты являлись рабочими-выдвиженцами и ограничилась наложением партийных взысканий.²³

Зато к крестьянам, отнесенным к категории кулаков, применялись самые жестокие репрессии. Принятыми в январе 1930 г. постановлениями Леноблисполкома кулаки лишались права пользоваться землей, заключенные с ними договоры ликвидировались с немедленным взысканием задолженности по кредитам.²⁴ 4 февраля 1930 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) подробно обсудило вопрос «о практическом проведении мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации Ленинградской области» в связи с принятым 30 января постановлением ЦК. Предписывалось отменить договоры об аренде кулаками земли и наеме рабочей силы, предупредить попытки самоликвидировать хозяйства и не разрешать им выезд за пределы деревни, определить порядок конфискации имущества и выселения, распорядок жизни в «кулацких» поселках и т. д. Полномочному председателю ОГПУ в Ленинградском военном округе предлагалось до 18 февраля завершить подготовку оперативного плана по «изъятию активных контрреволюционных элементов». Ответственность за проведение «изъятия» возлагалась на окружные «тройки» в составе секретаря окружкома ВКП(б), председателя исполкома окружного Совета и начальника окротдела ОГПУ.²⁵

Аналогичные решения приняли окружкомы и райкомы партии, исполнительные комитеты местных Советов. Пленум Новгородского окружкома ВКП(б) потребовал создать при сельсоветах батрацко-бедняцкие группы, которые должны были стать «боевыми отрядами социалистического переустройства сельского хозяйства, отрядами боевого наступления на кулака, отрядами ликвидации кулачества как класса на основе энергичного развертывания сплошной коллективизации».²⁶ Фактически такое решение означало возврат к методам «военного коммунизма» и подмену конституционных выборных органов власти чрезвычайными. Директива Боровичского окружкома ВКП(б) по раскулачиванию и выселению²⁷ противоречила даже формальным требованиям об увязке раскулачивания с созданием колхозов и требовала представлять дело так, будто инициатива исходила не сверху, а якобы от собраний менее обеспеченных слоев деревни. Новгородский и Боровичский окрисполкомы потребовали немедленно составить списки хозяйств, подлежащих выселению.²⁸

План ликвидации кулачества по Боровичскому округу (который не был округом сплошной коллективизации) был утвержден секретарем окружкома ВКП(б) В. С. Волцитом 14 февраля 1930 г. Согласно плану, срочно, за неделю, следовало провести собрания по выселению крестьян, отнесенных к одной из трех категорий кулаков; подчеркивалось,

²³ Звезда. 1930. 26 марта; ГАНПИНО, ф. 128, оп. 1, д. 824, л. 111; ф. 202, оп. 1, д. 114, л. 11, 16—20; д. 126, л. 74—75.

²⁴ ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 427, л. 183; ГАНО, ф. 134, оп. 1, д. 43, л. 259—260.

²⁵ ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 1, д. 262, л. 10—18.

²⁶ Резолюция XI пленума Новгородского окружного комитета ВКП(б) 20—21 февраля 1930 г. Новгород, 1930. С. 21—22.

²⁷ ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 523, л. 7—9.

²⁸ Там же, л. 18; ф. 173, оп. 1, д. 120, л. 8—11.

что списки будут заведомо утверждены райисполкомами в любом случае и поэтому предлагалось немедленно проводить конфискацию имущества. Выселяемым разрешалось оставлять не более 500 р. на семью. На собраниях следовало задним числом вынести постановления о раскулачивании и выселении уже раскулаченных и сосланных крестьян. План определял следующее количество хозяйств по районам, подвергаемых репрессиям.²⁹

Таблица 1

Хозяйства, подлежащие выселению

Районы	Кулацкие хозяйства с индивидуальным сельхозналогом		Хозяйства лишенцев
Районы сплошной коллективизации			
Бельский	93	65	30
Бологовский	113	80	20
Боровичский	166	120	80
Валдайский	204	160	100
Кончанский	68	50	10
Минецкий	75	60	10
Мошенокской	134	80	20
Ореховский	108	80	10
Прочие районы			
Окуловский	73	22	10
Опеченский	33	33	20
Рождественский	79	40	5
Торбинский	115	40	20
Угловский	72	50	15
Город Боровичи	5	—	—
По округу	1338	880	350

Таким образом, две трети крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, подлежали выселению. Обращают на себя внимание цифры: если количество индивидуально обложенных хозяйств соответствовало реальности, то «круглые» цифры подлежащих выселению явно произвольны. Следует также отметить, что высылке подлежали *бывшие* кулаки, ибо ранее принятыми постановлениями ЦИК и СНК СССР запрещалось эксплуатировать чужой труд и брать землю в аренду.

При изучении проблем истории сельского хозяйства страны послеоктябрьского периода по-прежнему остается нерешенным вопрос о дифференциации крестьянских хозяйств. Имеющиеся данные по Ленинградской области, казалось бы, подтверждают действующую по сей день примитивную социологическую схему «бедняк—средняк—кулак». Так, не имели рабочего скота почти каждое третье крестьянское хозяйство, каждое восьмое — коровы, три четверти дворов засеивали до двух десятин земли. В то же время посевные площади свыше десяти десятин

²⁹ Там же, ф. 144, оп. 1, д. 523, л. 20—24.

имели 1.2% хозяйств, четыре и более головы рабочего скота — 0.03%, четыре и более коровы — 2.14% крестьянских хозяйств области.³⁰ На этой основе делался вывод об удельном весе бедноты и кулачества в северо-западной деревне в предколхозный период и подчеркивалось, что курс партии на коллективизацию поддержало абсолютное большинство сельских тружеников.

На мой взгляд, эти усредненные статистические данные на деле запутывают вопрос и вовсе не свидетельствуют о расслоении деревни северо-западного региона России в указанной облегченной форме. Следует учитывать специфику: сезонную работу крестьян на многочисленных промышленных предприятиях, традиционные отхожие и неземледельческие промыслы, малое плодородие почв и т. д. Еще в середине 1920-х гг. ЦСУ выделяло в стране четыре социальные группы хозяйств, проф. А. В. Чаянов — шесть, к его точке зрения из руководящих верхов был близок Н. И. Бухарин. А. В. Чаянов справедливо заметил, что действительных кулаков следует искать «прямым анализом капиталистических моментов в организации производства, т. е. устанавливая наличность в хозяйствах наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а как база для получения нетрудовых доходов, а также наличность кабальных аренд и ростовщического капитала».³¹ По имеющимся данным,³² при определении кандидатов на высылку анализа «базы для извлечения нетрудовых доходов» не проводилось, людей в «черные списки» заносили произвольно и субъективно. Классификация крестьянских хозяйств предколхозной российской деревни ждет углубленного историко-экономического исследования, без которого нельзя достоверно указать, какие социальные группы крестьянства поддержали идею коллективизации, какие заняли выжидательную позицию и какие выступили против.

Выселяемых концентрировали на железнодорожных станциях. Их было настолько много, что власти пошли на беспрецедентный шаг: отдали распоряжение о досрочном освобождении некоторых категорий уголовных преступников из Боровичского домзака и трудколони, дабы «освободить места для заключения преступного элемента из числа выселяемых».³³ В Новгородском округе в первую очередь были выселены 207 семейств, состоявшие из 863 человек.³⁴ Едва отошли первые эшелоны от станций, как поступила директива выслать из Ленинградской области 32 тыс. кулацких семей, из них 17 тыс. по первой категории и 15 тыс. — по второй.³⁵ Началась вакханалия необузданного террора. Спеша выполнить разнарядку, власти не обращали внимания даже на формальное соблюдение законности.

³⁰ Состояние сельского хозяйства в 1927/1928 г. и мероприятия на 1928/1929 г. : (К докладу тов. Климовича по пленуму Ленинградского областного исполнительного комитета 19 декабря 1928 г.). Л., 1928. С. 5.

³¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Избранные труды. М., 1989. С. 426.

³² ГАНО, ф. 137, оп. 3, д. 8, л. 19—49.

³³ ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 523, л. 2—31.

³⁴ Там же, ф. 202, оп. 1, д. 112, л. 38.

³⁵ Документы свидетельствуют : Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989. С. 28.

Навязанная сверху форсированная коллективизация вызвала массовое сопротивление. Только за первые четыре месяца 1930 г. Новгородский окружной отдел ОГПУ зарегистрировал 635 случаев выступлений, квалифицированных как противоколхозные, в том числе 33 случая убийства и ранения активистов, 16 поджогов, 17 случаев массовых беспорядков, 169 случаев агитации против вступления в колхозы.³⁶ Только с кулацким влиянием и подстрекательством, как трактовалось до недавнего времени, все эти факты нельзя связывать. Широта антиколхозного движения отразила позиции значительной части крестьянства, не желавшего ликвидации индивидуальных хозяйств. Это была не борьба непримиримых классов, как пытались доказать Сталин и его ближайшее окружение, а спровоцированное искусственное разделение российских крестьян. Тоталитарная система, стремясь установить полное господство в сельском секторе экономики, пользовалась ею же созданной ситуацией для расправы с действительными и мнимыми противниками.

Жесткие меры принуждения привели к тому, что за январь—февраль 1930 г. число коллективизированных крестьянских хозяйств увеличилось в 7—10 раз в Новгородском, Маловишерском, Волотовском, Молвотичском, Польском, Солецком районах; в Крестецком и Подгощском районах к 1 марта числились в колхозах соответственно 35,5 и 30% крестьянских дворов. В Боровичском округе уже к середине февраля процент коллективизированных хозяйств возрос с 6,8 до 23,2 в Боровичском районе, с 1,8 до 32,0 — в Бологовском, с 3,9 до 35,0 — в Ореховском, с 3,0 до 29,7 — в Рождественском районе, что дало основание окружному руководству заявить: «Указанные темпы колхозного строительства превзошли все планы в предположениях».³⁷ Однако бюро Ленинградского обкома ВКП(б) вновь потребовало резко увеличить темпы коллективизации.³⁸

Высокие темпы и связанные с ними беззакония вызывали негативную реакцию во всех регионах страны. Из новгородских деревень в Москву шли сотни жалоб. 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована сталинская статья «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», 14 марта ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», возложившие ответственность за головокружение и произвол на местные власти. Те в свою очередь обвинили в перегибах низовых работников. Как отметил делегат Бронницкой районной партконференции Шпиллер, «в части ликвидации кулака виноват окружком, но он себя выгородил, а обвинил РК ВКП(б)».³⁹ На большинство рьяных функционеров документы произвели «удручающее впечатление».⁴⁰

Впрочем, серьезных наказаний никто из аппаратчиков не получил. Бюро Новгородского окружкома ВКП(б), обсудив работу некоторых райкомов, оценило ее как «совершенно неудовлетворительную» и провело отдельные кадровые изменения. Боровичская окружная контрольная комиссия ВКП(б) распустила бюро Торбинского райкома партии. Бюро Полновского райкома ВКП(б) признало, что коллективизация ве-

³⁶ ГАНПИНО, ф. 128, оп. 1, д. 666, л. 7—10.

³⁷ Там же, ф. 144, оп. 1, д. 523, л. 28; ГАНО, ф. 137, оп. 1, д. 3487, л. 29.

³⁸ ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 1, д. 262, л. 32.

³⁹ ГАНПИНО, ф. 170, оп. 1, д. 88, л. 3.

⁴⁰ Там же, ф. 144, оп. 1, д. 526, л. 22.

лась административными методами, использовались запугивание и обман крестьян, раскулачивали середняков, конфискованное имущество не было собрано, ликвидация же сельских кустарей привела к разбазариванию и выведению из строя имущества.⁴¹

Неоспорима вина высшего эшелона руководства за форсированную коллективизацию. Всю же конкретную полноту ответственности за погром новгородской деревни в 1930 г. несут те деятели, кто упорно проводил в области преступную политику центра, кто спешил отрапортовать наверх о выполнении и перевыполнении сталинских заданий в кратчайшие сроки. Директивы из Ленинграда шли за подписями первого секретаря обкома ВКП(б) С. М. Кирова, председателя Ленсовета И. Ф. Кодацкого, второго секретаря обкома партии М. С. Чудова. Их указания ревностно проводили секретари Новгородского и Боровичского окружкомов ВКП(б) Иванов и В. С. Волцит, председатели исполкомов окружных Советов Зингис, Н. Семенов и Ушарнов, секретари райкомов партии Лондон, Усачев, Храбров, Шумихин и др. Творцы тоталитарной системы, способные выполнять самые бесчеловечные приказы, по истечении надобности этой же системой уничтоженные.

В марте 1930 г. руководство области и округов включилось в новую кампанию, теперь по осуждению администрирования. На объединенном пленуме Ленинградского обкома ВКП(б) и ОблКК 15 марта с покаянными речами в числе других выступили представители Новгородского и Боровичского округов. Облисполком принял решение о «беспощадной борьбе» с перегибами. При райисполкомах начали работу комиссии по проверке списков лишенцев и индивидуально обложенных сельхозналогом.⁴² О возвращении же десятков тысяч высланных крестьян речи не шло.

И это неудивительно. На том же объединенном пленуме С. М. Киров безапелляционно провозглашал: «в основном партийная линия безусловно оказалась правильной», «коллективизация развивается необходимо стремительно и бурно», «наша политика незыблема», «никаких поворотов основного направления быть не может». 24 марта И. Ф. Кодацкий направил циркуляр о продолжении раскулачивания при создании колхозов. Пленум Новгородского окружкома ВКП(б) и ОкрКК отметил «правильную в основном линию, проводимую местными партийными и советскими организациями и рабочими бригадами в связи с коллективизацией».⁴³ Политика центра с ее жесткой реальностью и одновременным осуждением на словах была понята.

Тем не менее начался массовый выход из колхозов.⁴⁴ Имеющиеся сведения противоречивы, но в информации в обком ВКП(б) называется выход по Новгородскому округу к 1 апреля 1930 г. по крайней мере 31% ранее коллективизированных крестьянских дворов, по Боровичско-

⁴¹ Звезда. 1930. 20, 25, 26 марта; ГАНПИНО, ф. 99, оп. 1, д. 99, л. 153; ф. 128, оп. 1, д. 824, л. 16–20, 31–33; ф. 144, оп. 1, д. 483, л. 90.

⁴² Ленинградская правда. 1930. 19 марта; ГАНО, ф. 134, оп. 1, д. 43, л. 372–373; ф. 138, оп. 1, д. 165, л. 153, 168.

⁴³ Ленинградская правда. 1930. 19 марта; Звезда. 1930. 22, 26 марта; ГАНПИНО, ф. 144, оп. 1, д. 523, л. 64–65.

⁴⁴ ГАНПИНО, ф. 120, оп. 1, д. 50, л. 1; ф. 173, оп. 1, д. 102, л. 18.

Данные охвата крестьянских хозяйств коллективизацией по Новгородскому округу⁴⁵

Дата	Всего коллективных хозяйств	В них крестьянских дворов	Процент коллективизации
1 января 1928 г.	20	137	0.15
1 января 1929 г.	51	474	0.4
1 июня 1929 г.	92	930	0.7
1 октября 1929 г.	118	1610	1.3
1 января 1930 г.	172	3281	2.9
10 марта 1930 г.	434	16441	15.2
20 апреля 1930 г.	326	7713	7.2
1 мая 1930 г.	315	7271	6.8

му — 39. Округленные до сотен данные свидетельствуют о приближенности информации, поэтому, отмечалось в документе самого обкома, «за точность всех этих цифр поручиться трудно», но признавалось, что «выходы носили значительный характер».⁴⁶

Сомнения вызывают данные на 10 марта 1930 г. Среднее количество крестьянских дворов в одном колхозе составляло в том году от 19 до 23 (именно эти данные имеются в материалах окружкома ВКП(б) к III окружной партконференции). На 10 же марта цифра мгновенно увеличивается в полтора раза и поднимается почти до 38. Боровичский окружной комитет ВКП(б) рапортовал и вовсе о нереальных достижениях, таких как организации к 8 марта 711 коллективных хозяйств, из них более 88% — сельхозартелей.⁴⁷ Кампания проходила, таким образом, в обстановке откровенных приписок. В условиях складывавшейся системы нижестоящие руководители иначе не могли поступать, стремясь любой ценой выслужиться перед вышестоящими инстанциями.

Большинство же созданных колхозов сохранилось. Входившие в них крестьяне надеялись, как обещала пропаганда, общим трудом на общей земле выбиться из тяжелого материального положения,⁴⁸ другие после обобществления их незначительных средств производства вести самостоятельное хозяйство уже не могли. Письмо ЦК ВКП(б) с приложением постановления от 2 апреля 1930 г. «О льготах для колхозов» многообещающе предусматривало предоставление сельхозартелям различных льгот при сохранении основной тяжести налогов с единоличных хозяйств. С апреля 1930 г. на новый Устав колхозов стали переходить артели всех новгородских районов.⁴⁹

⁴⁵ Там же, ф. 128, оп. 1, д. 762, л. 109; д. 819, л. 107, 114; ф. 202, оп. 1, д. 112, л. 35.

⁴⁶ Там же, ф. 144, оп. 1, д. 413, л. 181, 222; д. 526, л. 23.

⁴⁷ Там же, ф. 128, оп. 1, д. 819, л. 116; ф. 144, оп. 1, д. 547, л. 52; ф. 202, оп. 1, д. 112, л. 35.

⁴⁸ ГАНО, ф. 134, оп. 3, д. 17, л. 3; ф. 137, оп. 1, д. 348, л. 66—67.

⁴⁹ ГАНПИНО, ф. 29, оп. 1, д. 170, л. 2—6; ф. 144, оп. 1, д. 483, л. 12—13; д. 523, л. 86—87; ф. 202, оп. 1, д. 110, л. 56; ГАНО, ф. 137, оп. 1, д. 347, л. 95, 104, 106.

Несмотря на широкообещательные обещания, и государственные учуждения, и колхозные объединения реально мало чем могли помочь коллективным хозяйствам. Так, Черновский районный союз колхозов целевым назначением смог выделить колхозу «Победа» лишь 2200 р. на постройку свинарника, приобретение скота, плугов и жатки; колхозу «Межник» была оказана помощь в сумме 1385 р. на покупку скота и строительство скотного двора.⁵⁰ Зато областные, окружные и районные власти с первых месяцев встали на путь неприкрытого вмешательства в хозяйственную деятельность артелей, начали жесткую регламентацию производственных процессов и бесконечные поборы. Например, Новгородский окрисполком распорядился обеспечить к 1 сентября 1930 г. сбор с колхозов полумиллиона рублей на создание МТС.⁵¹ Именно для полного подчинения сельскохозяйственного сектора экономики государственному аппарату коллективизация проводилась немислимыми темпами, с неприкрытыми нарушениями законов и морали.

Незавидным было хозяйственное положение новгородских колхозов. Они располагали рабочей силой и имели сотни гектаров земли, но не были обеспечены ни сортовым зерном, ни машинами, в большинстве артелей царил элементарная бесхозяйственность. По данным Новгородского окружного бюро колхозов, из 240 требовавшихся председателей сельхозартелей имелось лишь 8 человек, получивших подготовку, из 488 нужных специалистов — агрономов, механиков, ветеринаров — работали лишь 16 человек.⁵²

Экономике деревни зимой /весной 1930 г. был нанесен тяжелейший удар. Крестьян уравнили в бедности, разорвали хозяйственные связи, разорили и выселили истинных хлеборобов. Страшный след в судьбе Отечества оставил 1930 г. Ко времени ликвидации округов в июле 1930 г. в колхозах закрепились 5.7% крестьянских хозяйств Новгородского округа и 8.6% — Боровичского.⁵³

⁵⁰ ГАНО, ф. 607, оп. 1, д. 169, л. 29.

⁵¹ Там же, ф. 1244, оп. 1, д. 813, л. 31.

⁵² Там же, ф. 607, оп. 1, д. 184, л. 46.

⁵³ Там же, ф. 137, оп. 1, д. 348, л. 89—96.